

© 2013 г. С.Н. Бредихин
УДК 81

**ИЕРАРХИЧЕСКАЯ НОЭМАТИЧЕСКАЯ СУПЕРСТРУКТУРА
VS. ФРЕЙМ В СМЫСЛОПОРОЖДЕНИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ**

Развитие лингвистической науки, изменение самой парадигмы научных исследований показали нецелесообразность рассмотрения языка как абстрактной сущности, вне связи естественного языка и естественной социальной истории, феноменологии, когнитивистики и герменевтики.

Для изучения процессов, которые необходимы при анализе смыслопорождающих механизмов, и процессов и условий самого существования смысла необходимо, прежде всего, преодолеть разрыв между вышеупомянутыми модулями рассмотрения проблемы, что предполагает некий контаминированный подход. Когнитивная теория смыслопорождения при концептуализации понятий, опирающаяся на такие базовые понятия, как *обработка информации, общий фонд знаний, когнитивная модель (концепт, образ), концептуальная система (фрейм, скрипт, схема и т.п.), концептосфера* и др., стала одной из центральных в современном языкознании. Безусловно, новый подход к изучению смыслопорождающих механизмов на разных уровнях языка в процессе порождения текста названный нами филологической феноменологической герменевтикой никак не опровергает тех результатов, которые были достигнуты в рамках когнитивной лингвистики и других направлений, это лишь попытка систематизировать и привести к общему знаменателю методологический аппарат когнитивной лингвистики, феноменологии и герменевтики и построить более стройную концепцию смысла. Это еще один способ углубления в суть смыслопорождения и скрытых потенций речепроизводства как проявления мышления на грани и за границами языка, исследование текстопостроения и смыслопорождения с позиций продуцента и реципиента с включением в сферу исследования актов интендирования, маркеров субъективности, ситуативности, о которых говорилось ранее. «Как мы сегодня хо-

рошо понимаем, язык – лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать», – пишут В.И. Герасимов и В.В. Петров во вступительной статье к одному из сборников серии «Новое в зарубежной лингвистике» [1, с. 5–6].

Возможность языковой единицы иметь какой-либо смысл, быть «осмысленной» в тексте, происходит не по факту приписывания ей значения в языковой системе, не по прямой или опосредованной связи с внешним миром, а в силу того, что их можно и необходимо рассматривать в соотнесении с опытом как отдельного индивидуума, так и лингвокультурной общности, со всеми актами присущими персонализации смысла. Построение нового смысла происходит не на пустом месте, а на базе того опыта ноэтической рефлексии, которой он уже располагает, и с привлечением феноменологической рефлексии. Кроме уже имеющихся источников узуальных деривационных смысловых моделей, строящихся на базе ноэтической рефлексии, существуют и в философском тексте при порождении нового терминологического аппарата или переосмыслении уже имеющегося появляются окказиональные дериваты и это настоящее, свободное смыслопорождение на третьем уровне абстракции, его нужно изучать с позиций когнитологии. По мысли Льюса нет никакого другого опыта кроме неких чувственных данных и «наших собственных вкладываемых» значений, однако здесь мы вынуждены не согласиться и приписать значения лингвокультурному опыту, а частное порождение и декодирование именно феноменологической рефлексии над многогранными ноэмами внутри структуры смысла, а никак не значения. Научное знание, получаемое через эмпирический опыт должно лежать на одном полюсе, а все остальное, полученное в результате априорных данностей, на идущем вовнутрь луче рефлексии должно составлять другой полюс личностных смыслов (иерархически структурированных конструкторов из интенционально релевантных граней некоего набора ноэм).

Участвуя в разнообразных актах коммуникации, индивид выступающий то как продуцент, то как реципиент, производит либо феноменологическую, либо ноэтическую рефлексию (однако индивид в данной ситуации, в данный конкретный момент и в данном конкретном состоянии сознания). Если в первом случае – это чистый герменевтический акт, то во втором к герменевтическому пониманию примешиваются когнитивные и феноменологические

процессы, здесь важно не только знание о языке и языка. В их число входят и акты интендирования, модальности, смыслополагания, смыслопостроения и т.д. При этом ни одному из актов и процессов нельзя отдать предпочтение. Изучение способов взаимодействия, взаимопроникновения и мутации всех типов актов и процессов даст нам суть процессов смыслопорождения.

Одним из ведущих направлений в когнитивистике является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, для нас использование оперативных и фоновых знаний в процессе смыслопорождения играет также решающую роль. Основные положения когнитивистики применимые к смыслопорождающим механизмам релевантные для нашего исследования: 1) структуры представления различных типов знания; 2) способы концептуальной организации знаний в процессе понимания и построения языковых сообщений, причем концептуализации может быть подвергнута любая иерархически структурированная ноэмная структура смысла в каждом конкретном тексте.

Остановимся на положении о том, что некая общая база представлений как продуцента так и реципиента – не статичное «хранилище», а динамичная самоорганизующаяся и саморегулируемая система. Как подчеркивает Ч. Филлмор, исследователи, работающие в области лингвистической семантики, считают, «что их задача состоит в установлении чисто лингвистической информации относительно значений слов и что в принципе вполне возможно провести разграничения между словарем и энциклопедией» [2, с. 117], для нас работа в системе семантики предполагает, прежде всего, переход от значения к смыслу, а значит область ноэматики. Именно Ч. Филлмор обращает внимание на то, что «любая попытка соотнести знание человеком значений слова со способностью интерпретации текстов неизбежно приведет к признанию важности внеязыковой информации в процессе интерпретации» [2, с. 117–118], для исследования процесса смыслопорождения это означает лишь необходимость привлечения некоторых новых маркеров и условий из области феноменологии и герменевтики к уже имеющемуся методологическому аппарату когнитивной лингвистики.

Анализируя проблему представления знаний, В.И. Герасимов и В.В. Петров указывают, что вопросы о неких компонентах общей структуры представлений в целом исследованы достаточно полно. Но на уровне поиска самих структурных связующих компонентов (некоей сети, в узлах которой и и

образуются скопления этих квантов смысла) возникают проблемы. Наибольшее распространение получила гипотеза об интегральном характере обработки естественного языка: обработка языковых данных должна производиться параллельно на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях (Р. Шенк, М. Барвиш, И. Минский). «Несмотря на наличие значительного числа работ в области когнитивных аспектов языка, парадигма исследований еще окончательно не сложилась» [1], – эти слова В.И. Герасимова и В.В. Петрова не утратили своей актуальности и по сей день. Однако направление развития когнитивного методологического аппарата должно привлекать феноменологические и герменевтические методы для представления реальной картины смыслопорождающих и декодирующих механизмов, и рассмотрение смыслопорождающих механизмов в этом аспекте приблизит нас к пониманию лингвокультурных и частных аспектов смыслопорождения, а привлечение оных для рассмотрения окказиональных деривационных моделей смысла на третьем уровне абстракции является неизбежным.

С позиции когнитивной лингвистики, язык – это, прежде всего, инструмент концептообразования, превращения предметов и явлений действительности в достояние и собственность духа, языкового сознания, то чем может оперировать «осмысленный» текст [3]. Когнитивистика большое внимание уделяет проблеме репрезентации знаний. По мнению Х. Гейвин, такой подход концентрируется на внутреннем лексиконе, то есть на ментальном словаре. Объясняя семантическую организацию, когнитологи разработали модели их описания: модель кластеризации, модель сравнения семантических свойств и сетевую модель (Бауэр), с нашей точки зрения ссылки на данные термины и модели описания возможны и в описании и исследовании иерархической ноэматической структуры смысла, а не только значения.

Согласно модели кластеризации, информация о многогранных многоаспектных ноэмах, воспринятых на основе априорного опыта ноэматической рефлексии, содержится в постоянных хранилищах в *кластерах* («формах организации постоянного хранилища»). В основе этой модели лежит кластеризация ноэматических структур смысла, так что, например, воспоминания об одном феномене из пережитого или воспринятого из текстов опыта хранятся в ментальных конструктах о других сходных или же похожих феноменах, кроме того мельчайшие кванты смысла составляют единое поле с ядром и пе-

риферийными концентрическими областями и они способны экстраполироваться по принципу метафоризации на другие смысловые конструкты. Теоретико-множественная модель, представляя развитие этой идеи, предполагает, что вместе хранятся не только некие кванты категориальных представлений, но и атрибутивные признаки самих ситуаций, а значит включаются аспекты модальности, ситуативности, субъективности и интенциональности.

Модель сравнения семантических свойств, по Х. Гейвин, – «репрезентация знаний, при которой слова становятся множествами свойств и происходит сравнение элементов этих множеств» [4, с. 122], – это очень похоже на ноэмы, однако такое описание дается мельчайшим единицам значения, а не смысла, в семе нет маркеров модальности, ситуативности и субъективности. Так, каждая единица в тексте имеет определяющие и характеристические свойства. Определяющие свойства характеризуют принадлежность данной единицы, например лексической к множеству (по сути это ноэмы определяющие класс феноменов), а характеристические свойства описывают, по словам Х. Гейвин, «конкретный экземпляр» (для нас это ноэмы концептуализации, ноэмы-доминанты и ноэмы периферии). Определяющие свойства не должны абсолютизироваться и разниться от лингвокультуры к лингвокультуре, а потому для данной модели когнитивной лингвистики нам необходимо введение уровня суперструктур, определяющих универсальные общечеловеческие принципы формирования смысла.

Наибольшее применение и развитие получила сетевая модель – модель семантической сети – «иерархические модели репрезентации знаний, содержащие узлы и атрибуты» (Коллинз, Куиллиан, Конрад). Теории семантической памяти предполагали наличие системы в хранении информации в виде иерархически построенной сети, где хранятся в виде узлов понятия, а также свойства или особенности, связанные с каждым узлом. Чем выше по иерархии хранится информация, тем больше она обобщена. Эта концепция может быть воспринята и филологической феноменологической герменевтикой, и разложить по иерархическим поясам релевантные ноэмы как уже показано выше. Таким образом, при структурной иерархической модели сонма ноэм отсутствует ее избыточность и реализуются лишь релевантные грани в конкретной смысловой структуре. Однако на практике оказывается, что не каждый текстовый знак является осмысленным и обладает четко определенным

множеством ноэматических характеристик, а также имеет место сходство ноэмных признаков, некоторые ноэмы приходят и остаются в периферийной сфере конструкта, другие изменяют свой статус на ядерные. Так, для того, чтобы определить, относятся ли к одной сфере ноэмной структуры различные понятия или феномены, согласно этой модели, требуется акт феноменологической рефлексии, на самом же деле без соответствующих мыслительных операций, поисков вверх-вниз по иерархии, понимание приходит на луче ноэматической рефлексии.

Модификация этих моделей привела к появлению теории распространения активации (Коллинз и Лофтус), согласно которой понятия хранятся в понятийном пространстве и связаны с родственными понятиями посредством ассоциаций, причем ассоциаций спонтанных и априорно воспринимаемых. По мнению ученых, сложность подобных моделей в том, что они описывают только слова, их значения и связи между ними. Поэтому Дж. Андерсон и Г. Бауэр разработали пропозициональную модель теории репрезентации знаний, которая известна как «ассоциативная память человека». Это модель, в которой знание представляется в виде пропозиций – утверждений или суждений о мире. «Пропозиции – это наименьшие компоненты знания, которые могут быть представлены в виде одиночных, имеющих значение элементов» [4, с. 129]. Конкретные элементы полученные с помощью опять же феноменологической или ноэматической рефлексии. Сложные пропозиции, кроме элементов субъекта и предиката, имеют элементы времени, места, контекста события и пр., что согласуется с наличием модальности, субъективности и ситуативности как основных признаков реализации смысла.

Существуют три основные теории выработки понятий (концептуализации неких вербализованных единиц): теория прототипов, теория атрибутов, теория образцов. Слова и отдельные мысли – не единственные единицы информации, которые хранятся в памяти. Схемы (по Ф. Бартлетту) составляют некие объемные блоки информации, сходные с ментальными моделями, они не требуют верификации и дают возможность интуитивного понимания (осмысления) на луче ноэматической рефлексии. Для описания хранящихся в памяти структур ученые позже использовали термин *фреймы*, или *сценарии* (формы организации постоянного хранилища). *Сценарии* – «это схемы привычных последовательных действий. Они могут помочь при обработке обычных

событий, но могут задержать нас или привести к неверным решениям, если случится неожиданное событие» [4, с. 139]. Наблюдение, что количество компонентов, актуализируемых в речи, намного превосходит число компонентов, выделяемых в любом дифференциальном описании значения, привело представителей коммуникативной лингвистики к мысли о необходимости замены понятия «значение» более широким и менее определенным (*сцена, прототипная сцена, прототип* и др.). Различные структуры (фреймы, сценарии, стратегии, планы, кластеры и пр.) представляют собой пакеты информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную отработку стандартных ситуаций. Эти структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка.

В последнее время для изучения и объяснения процессов восприятия и интерпретации человеком полученной им информации, а также процессов смыслополагания и смыслодекодирования, стало употребляться и понятие *скрипт*. Как отмечает А.Г. Гурочкина [5], первоначально скрипт рассматривался как один из типов структур сознания, как структура данных, удобных для описания стандартной последовательности действий в стереотипной ситуации. Структура скрипта представлялась в виде сети из узлов–объектов и связей–отношений. Верхние уровни скрипта фиксированы и содержат данные, всегда истинные в рассматриваемой ситуации. Нижние уровни содержат множество ячеек, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными.

Скрипты трактуются и как некоторое предварительное знание, которое хранится в долговременной памяти, как механизмы, объясняющие достижение понимания с использованием накопленного ранее знания. Эти знания приравниваются к так называемым энциклопедическим знаниям, к жизненному опыту субъектов. Большинство скриптов усваивается в детстве, в процессе жизнедеятельности. Скрипты могут быть простыми и сложными («макроскрипты» и «сложные скрипты»). Макроскрипт представляет собой хронологическую организацию нескольких скриптов. По словам А.Г. Гурочкиной, исследователи связывают понятие «скрипт» и с понятием «сценарий». Они полагают, что «ключевые языковые единицы (отдельные лексемы или словосочетания) способствуют возникновению в сознании индивида темати-

ческих («сценарных») структур – сценариев, связанных с топилом, действующими лицами, событиями и т. п. Одновременно с активацией тематических структур активируется информация, хранящаяся в памяти индивида в виде скриптов, которая позволяет понимать не только реальную или описываемую ситуацию, но и план поведения. В процессе восприятия и интерпретации текста в оперативной памяти адресата вырабатываются целая цепочка сценариев, которые могут либо последовательно дополнять друг друга, либо вступать в определенные противоречия, что способствует реализации замысла автора» [5, с. 238]. предписываемого в этой ситуации <...>. Сценарий рассматривается как элемент оперативной памяти, а скрипт – долговременной.

Обращает на себя внимание позиция Ч. Филлмора по поводу того, насколько структуры знания должны подлежать лингвистическому описанию: «Нельзя считать осмысленным требование к лингвистике о том, чтобы она ввела в сферу своего исследования все знания такого рода; однако лингвистика должна представлять себе, как возникает такое знание, как оно функционирует в формировании категорий значения, как оно действует в процессе понимания языка и т.д. <...> подход семантики фреймов к значению существенно более энциклопедичен, чем подход традиционный. <...> она не стремится установить априорное различие между собственно семантикой и (идеализированным) концептом понимания текста» [6, с. 66]. Для нас важнейшим в данной ситуации является процесс введения нового знания в интерпретативный акт (акт осмысления – смыслодекодирования) и приписывания смысла на основе уже имевшихся в сознании простейших структур, осознание суперструктур и вплетение в эту сеть нового «присвоенного», так же как и дальнейшая вербализация и концептуализация нового, и рассмотрение процесса интерпретации некоего порожденного текста как процедуры, позволяющей добиться максимально богатой интерпретации, извлекающей из текста все, что возможно.

Касаясь проблемы языкового представления фрейма, Е.В. Рыжкова считает, что лингвистическим аналогом и представлением фрейма, содержащегося в сознании, может служить тематическая группа. В качестве тематической группы (ТГ) она рассматривает «объединение слов различных частей речи, именующих предметы, качества и процессы, связанные в человеческом опыте с определенным предметом, задающим «тему». Иными словами, лексика

определенной ТГ «обслуживает», служит ословливанью того или иного фрейма. Поскольку фрейм представляет собой некую структуру данных, сети отношений, ТГ также структурирована, ее члены являются именами терминов фрейма – связанных с ним субфреймов. Таким образом, фреймы отдельных предметов и ситуаций представляют собой вербально-образные комплексы. Далее она развивает свою мысль в русле идей Ч. Филлмора: при появлении в поле зрения индивида какого-либо терминала фрейма последний активируется весь. Поэтому, считает Е.В. Рыжкова, предьявление того или иного слова, входящего в ТГ, также способствует активации всего фрейма или его части, достаточной для адекватной передачи соответствующего знания. Сознание человека достраивает недостающие терминалы фрейма в соответствии с опытом. При столкновении с новой ситуацией человек подбирает в сознании наиболее подходящий фрейм для ее структурирования и осмысления, что оказывается возможным благодаря гибкой структуре фрейма.

Перспективным, на наш взгляд, является лингвистический подход к анализу когнитивных структур, предложенный А. Бабушкиным, который занимается типологией структур представления знаний в лексической системе языка. Ученый считает, что, широко используя термин *схема, фрейм, сценарий* и др., когнитологи, во-первых, «по-разному осмысливают содержание одних и тех же терминов, служащих для обозначения данных репрезентаций»; во-вторых, «интерпретируют схемы, фреймы и сценарии как формы организации и структуры представления знаний <...>, но не связывают их с семемным составом языковых единиц; в-третьих, «в исследованиях практически отсутствует методика обнаружения концептов и, следовательно, не констатируются лингвистические принципы их дифференциации»; в-четвертых, «в специальной литературе <...> мало говорится о мыслительных картинках, они, как правило, не приводятся в одном ряду со схемами, фреймами и сценариями. Сценарий представляется как совокупность поэтапных действий, хранимая в памяти в виде определенной модели, но до сих пор сценарий не трактовался как вид концепта» [7, с. 40].

Признавая справедливость слов ученого, остановимся на предложенном им способе обнаружения концептов на основе лингвистического подхода к их описанию. А.П. Бабушкин полагает, что идеальная сущность концепта «улавливается» словом и хранится в его определении, которое мыслится в

«свернутом» виде, «представлено в совокупности сем, формирующих систему». В слове и его определении фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума. Характер сем, эксплицируемых в словарной дефиниции, позволяет судить о различиях концептов, которые ученый предлагает дифференцировать как *мыслительные картинки, схемы, фреймы, инсайты, сценарии*. Таким образом, термин *концепт*, в понимании А.П. Бабушкина, – понятие родовое, в то время как представленные выше термины – понятия видовые. По А.П. Бабушкину, образные семы регистрируют *мыслительную картинку*; семы меры, пространства объективизируют *схему* (дорога – полоса земли, стезя, направление и расстояние от места до места), некоторые гиперонимы могут быть *схемами* (обувь), архисема может актуализировать *фрейм*; семы устройства, дизайна соответствуют *инсайту*; семы развития, динамики репрезентируют *сценарий*. Весьма важным является наблюдение, что концепты, стоящие за фразеосочетаниями, формируются в виде тех же когнитивных структур, что и слова, следовательно, их можно дифференцировать таким же образом. Ученый предлагает применить указанные модели для дифференциации пресуппозиций, «когда предметом внимания <...> будет выступать по-особому организованная имплицитная информация, разделяемая участниками коммуникативного акта» [7, с. 40]. Таким образом, в интерпретации А.П. Бабушкина, концепт подлежит экспликации посредством анализа сем, репрезентирующих когнитивные знания, т.к. «концепт – структура представления знаний, пресуппозиция – имплицитный смысл высказывания» [7, с. 41].

Однако нам кажется целесообразным для полного анализа смысловых суперструктур воспользоваться «трехслойкой» Г.П. Щедровицкого и выстроенной по Г.И. Богину следующей иерархией типов порождения и декодирования:

1. Первый уровень – семантизирующее понимание, то есть декодирование единиц текста, выступающее в знаковой функции.
2. Второй уровень – когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержания, то есть тех предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур, данных читателю в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Третий уровень – распредмечивающее понимание, постоянно имеющее место при действовании с идеальными реальностями. «Распредметить» – значит восстановить при обращении рефлексии на текст какие-то стороны ситуации мыследействования продуцента (или восстановить то, во что эти ситуации мыследействования превратились в ходе последующего бытования текста в обществе; такое восстановление приводит к выявлению или даже к появлению многих граней понимаемого, что соответствует многоаспектности бытования текста в обществе) [8].

Мы обращаемся к анализу смыслов слов как некоторых идеальных образований стоящих за вербализованными структурами (фиксации рефлексии) о некоторых концептуализируемых понятиях, как например: «Dasein/In-der-Welt-sein», «Бытие/Вот-бытие» и «seizon/sonzai». В процессе смыслопорождения при образовании философских концептов на первый план выступают периферийные концепты, именно окказиональные деривационные модели и интенция автора; его личностные смыслы являются базовой конструкцией, на различных уровнях которой и размещены доминантные, культурные и контекстуальные смыслы.

Движение смысла при образовании и функционировании философского концепта происходит как это ни парадоксально (в отличие от других типов номинации) не от образа к идее, но, наоборот, от априорно заданного «допытным путем» концепта к непосредственному опыту восприятия перцепта. На основании этих структурных типов можно выделить и следующую иерархию нозм:

1. нозма – как основа, указывающая на некоторые базовые архетипические смыслы в различных лингвокультурах, являющие собой общность смыслопорождения в поясе чистого Мышления;
2. обширный ряд нозм-доминант, воспроизводящих стереотипы и константы определенной лингвокультуры, которые составляют как общие для различных языков нозмы, что иллюстрирует принципиальную общность способов вербального освоения мира различающимися культурами, так и специфичные нозмы, характеризующие самобытность смыслообразования и различия менталитета в различающихся лингвокультурах;

3. некоторое количество периферийных нозм, устойчивых тематических направлений развертывания нозм-доминант, которое в различающихся лингвокультурах остается открытым, прежде всего, в связи с непрерывностью порождения и декодирования смыслов в ряду аллюзивных понятий и неограниченных возможностей языка к порождению вторичных образных номинаций.

Подобное рассмотрение и определение смыслообразующих доминант как суперструктуры чрезвычайно важно. Именно благодаря восстановлению иерархической нозматической структуры при феноменологической или нозматической рефлексии становится возможным само отождествление понимающего и познающего в структуре деривационного акта, разумеется в дискурсе понимаемом не как некоем знаке, но как системе для производства знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
2. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1990. №5. Т.49.
4. *Гейвин Х.* Когнитивная психология. СПб., 2003.
5. *Гурочкина А.Г.* Понятия «скрипт» и «сценарий» и их роль в процессе восприятия и интерпретации текста // Сб.ст. *Studia Linguistica* – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000.
6. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
7. *Бабушкин А.П.* Архитектоническая типология пресуппозиций в диалогическом тексте // Текст. Узоры ковра. Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». СПб., Ставрополь, 1999. Вып.4. Ч.1.
8. *Богин Г.И.* Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь. 1993.

REFERENCES

1. *Gerasimov V.V., Petrov V.* Towards a cognitive model of language // New in Foreign linguistike. Vyp. 23. Moscow, 1988.
2. *Fillmore Ch.* Main problems of lexical semantics // Innovations in foreign linguistics. MY. 12. Moscow, 1983.
3. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Leo Vaysgerber in a cognitive perspective // Math. Academy of Sciences of the USSR. Ser. lit. and language. 1990. Number 5. V.49.
4. *Gavin J.* Cognitive Psychology. St. Petersburg., 2003.
5. *Gurochkin A.G.* The concepts of "script" and "script" and their role in the process of perception and interpretation of the text // Sb.st. Studia Linguistica - 9. Cognitive-pragmatic functions of language and art. St. Petersburg., 2000.
6. *Fillmore Ch.* Frames and the semantics of understanding // Innovations in foreign linguistics. MY. 23. Moscow, 1988.
7. *Babushkin A.P.* Architectonic typology presuppositions in a dialogical text // The patterns of the carpet. Collection of articles of scientific and methodological seminar «TEXTUS». St. Petersburg., Stavropol, 1999. Issue 4. P.1.
8. *Bogin G.I.* Substantial part of understanding the text. Tver. 1993.

*Северо-Кавказский
федеральный университет*

21 марта 2013 г.